

Юлия ПУЧКОВА

ЛЮБОВЬ

Сева окружил себя книгами. Он всегда читал запоем, и ему нужно было много книг, очень много — чтобы хватило на весь день! Иногда Ольга думала, что при такой скорости поглощения детской литературы — а за всю свою жизнь её отец собрал несметную библиотеку, которая выстилала теперь все стены во всех трёх комнатах их квартиры, — сыну просто не хватит всего достойного, что было создано детскими писателями. И что тогда? И тогда приходила успокоительная мысль, что, наверное, можно будет чуть раньше перейти к литературе подростковой, а потом и взрослой.

Сева не ходил в детский сад, а потом и в школу — семья занималась его образованием сама. Ольга учила его математике и русскому, а её мама, приходившая к ним три раза в неделю, английскому, истории и в меру сил биологии. Мама была доктором исторических наук и очень прилично владела английским. Уже за один год Сева научился составлять несложные английские предложения и даже пересказывал довольно длинные тексты. Да и с русским и математикой проблем не наблюдалось. К математике мальчик был особенно способен, и Ольге верилось, что, возможно, как и его рано ушедший из жизни отец, Сева вскоре не будет нуждаться в преподавателе этой науки, потому что сможет постигать её сам, без посторонней помощи.

Когда она впервые увидела своего будущего мужа Олега, а было это на третьем курсе во время новогодней университетской дискотеки, он сидел в огромной аудитории и развлекал сокурсников тем, что брал в уме логарифмы чисел, которые они ему предлагали. Ответы тут же проверяли на калькуляторах, и у всех глаза лезли на лоб от удивления. Ольга тогда присела на крайний стул в дальнем ряду и стала смотреть. Олег был невероятно привлекателен — высокий, атлетически сложенный и, судя по всему, умный как чёрт. Мама Ольги, Анна Николаевна, всегда говорила ей, что уж если выходить замуж, то только за умного — под не очень умным она, конечно же, подразумевала Олиного отца, с которым они давно разошлись. Отца Ольга навещала нечасто, а когда навещала, не знала, о чём с ним говорить — казалось, они были двумя параллельными вселенными, которые просто не знали устройства друг друга. Он был хороший, порядочный человек — Ольга это понимала. Но говорить им решительно было не о чем. Поэтому со временем она стала навещать его всё реже и сейчас, пожалуй, даже не вспомнила бы, когда была у него в последний раз. Да и сам он как будто не стремился к общению с дочерью и совершенно не страдал оттого, что её визиты были так редки.

А в тот день Ольга просто не могла не залюбоваться Олегом, и он это почувствовал и тут же поймал её восторженный взгляд.

— А что же вы так далеко сели? — спросил он её насмешливо. — Идите к нам. Мы совсем не опасны. Математики самые добродушные люди на свете.

— И откуда это следует? — ни капли не смутившись, ответила вопросом на вопрос Ольга.

— Это аксиома. А аксиомы, как известно, ниоткуда не следуют, — припечатал её Олег. Но Ольга не собиралась сдаваться под тёплыми чарами карих глаз.

— И какая же теорема доказана на основе этой аксиомы? — прищурила она глаза и улыбнулась.

— Но вы же не с математического факультета, — уверенно сказал Олег и поражённо добавил, — неужели, любя математику, вы променяли её на химию или биологию? Или, может, на философию?

— На журналистику, — Ольга встала со стула и пересела ближе. — Продолжайте, пожалуйста, — скомандовала она.

И он продолжил...

Олег сгорел за два месяца, но в память о нём остался Сева, похожий на отца как две капли воды. После смерти мужа Ольга какими-то новыми глазами взглянула на сына —

до того Сева был одновременно украшением их с Олегом мира и его цементирующим составом. Они оба любили сына, в меру баловали его, но он не был центром их вселенной — они и только они были центром вселенной друг друга. И потеряв этот центр так безвозвратно и так больно, Ольга незаметно для себя переместила его на маленького сына.

В шестом классе в программе появилась физика, и Анна Николаевна сказала, что это для неё неподъёмно. О самой Ольге и говорить было нечего — физику она никогда не понимала, и до сих пор то и дело та являлась ей в страшных снах и заставляла просыпаться среди ночи в истерике, потому что виртуальная учительница физики (в её роли всегда выступала её школьная учительница Наталья Владимировна) вызывала Ольгу для объяснения каких-то явлений из области электричества или дифракционных решёток.

В общем, посоветовавшись, женщины решили, что у них два варианта — всё-таки отправить Севу в школу или нанять репетиторов. Анна Николаевна стояла за школу. Но Ольга даже слышать об этом не хотела — её чудесный добрый мальчик пойдёт в двенадцать лет в школу? Двенадцать лет! Это же начало подросткового возраста и все тридцать три несчастья, которые с ним неразрывно связаны. Нет, о школе нечего и говорить.

— Но ты же не будешь держать его дома всю жизнь? — пыталась достучаться до здравого смысла Анна Николаевна.

— Мама, зачем утрировать, — недовольно морщилась Ольга.

— А когда ты собираешься отпустить ребёнка в мир? Или он будет учиться в онлайн университете, а потом работать из дома?

Ольга удивлённо посмотрела на мать — до сих пор та как будто не возражала против домашнего образования и даже поддерживала дочь. И вдруг?

— Мама, что происходит? Или ты думаешь, я не потяну репетитора по физике?

Анна Николаевна пересела к дочери на диван и тепло обняла её.

— Лёля, милая, я не хотела тебе этого говорить, но, видимо, придётся, — Ольга внутренне напряглась — эта мамина фраза всегда готовила её к чему-то неприятному или неожиданному, а та продолжала: — Мне кажется... Нет, не кажется, я просто вижу это — ты как будто забрала Севу себе в собственность, — Ольга подняла голову, которая до тех пор лежала на мамином плече: — Ты привыкла, что он безраздельно принадлежит тебе, — продолжала Анна Николаевна, с нежностью глядя на дочь. — Отпусти его, пока не поздно.

Ольга встала с дивана и пересела на стул напротив.

— И чего же я его, по-твоему, лишаю? — спросила она таким тоном, что у Анны Николаевны впервые за всё их общение по телу побежали неприятные мурашки.

— Лёля, милая, — растеряв былую уверенность, Анна Николаевна теперь с трудом подбирала слова, — он же растёт, у него появляются новые увлечения, интересы. Ему нужно общение, нужны друзья, с которыми он мог бы эти интересы разделять, — и как будто спохватившись, она тут же добавила, — конечно, ты его друг, ты поддерживаешь все его увлечения и разделяешь все его интересы, но...

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Да, я не смогу заменить ему каких-нибудь Петь и Вань, которые затаили бы его в весёлую компанию с неизвестными последствиями. Ты, наверное, забыла, как намучилась с Серёжкой?

Анна Николаевна как-то жалостно взглянула на дочь и ничего не сказала — да, конечно, проходить с детьми через подростковый возраст и врагу не пожелаешь, но что же делать? Так устроен мир. Она ещё раз повторила свои мысли про себя, а вслух произнесла только последнюю фразу.

— Это люди его так устроили, — парировала Ольга, — а я имею право на своё собственное решение и этим правом собираюсь воспользоваться. Сева в школу не пойдёт. Во всяком случае, в ближайшие четыре года. Вот окончит девятый класс, а там посмотрим.

Анна Николаевна ещё никогда не слышала такого холода в голосе дочери; ей стало так неуютно, что она сразу засобиравшись домой.

Севе едва исполнилось тринадцать лет, когда он начал проходить программу девятого класса. Репетиторы нахваливали мальчика, и постепенно их становилось всё меньше, потому что Сева, похоже, в них не нуждался. Он уже давно расстался с репетитором по математике и легко съедал все темы, с удовольствием разбираясь в них, выводил теоремы и сравнивая свои решения с предложенными в учебнике. Примерно то же происходило и с другими предметами. Нельзя сказать, чтобы Сева увлекался литературой, но всё, что было положено по программе, он читал и даже читал критические разборы произведений. Зато книги по философии и естествознанию он

съедал, как горячие пирожки.

Сева рос. Когда ему пошёл шестнадцатый год, Ольга начала замечать, что сын медленно и верно отдаляется от неё. Он всё реже приходил к ней сам, чтобы поболтать, и всё чаще сидел до позднего вечера в своей комнате, обложенный книгами или уставившись в экран компьютера, и читал, читал... С одной стороны, в этом не было ничего удивительного — он всегда много читал. Но раньше он любил обсудить с ней прочитанное — они садились в обнимку на диван и болтали, иногда по несколько часов, если Ольге позволяла работа. Теперь же, когда она входила к нему в комнату, сын как будто был не рад. Когда Ольга почувствовала это впервые, она убедила себя, что ей это только показалось. Но ощущение повторилось вновь и вновь, и однажды, спустя полгода, она не справилась с собой и, выходя из его комнаты после очень недолгого общения, задержалась на пороге и спросила:

— Сева, сынок, мне кажется, я как будто тебе докучаю своими приходами? Если это так, скажи мне об этом прямо, — воздух неприятно покалывал электричеством, сын не ответил сразу, и Ольга поняла, что разряд больно ударит по ней. — Не молчи, пожалуйста, — взмолилась она, — я хочу знать, что в твоей голове.

Сева оторвался от компьютера, повернулся лицом к матери и сказал очень ровным голосом:

— У меня много всего в голове, мама. Прости, но я не всегда понимаю, как этим делиться.

И хотя до разговора Ольга была уверена, что готова принять любой удар, этот спокойный ответ прозвучал для неё как приговор. Нет, хуже, как пощёчина. Она смотрела сыну в глаза и пыталась отыскать там своего Севочку, того Севочку, который когда-то был готов часами слушать, как она читает ему сказки, который обсуждал с ней все прочитанные книги, делился своими впечатлениями о репетиторах, своими мыслями об устройстве вселенной, своими мечтами о серьёзном научном будущем. Нет, того Севочки сейчас здесь не было. На неё спокойно и уверенно смотрел совершенно другой человек, ей даже подумалось, «чужой человек», но это было слишком страшно и так больно, что сами собой навернулись слёзы.

— Мама, я не хотел тебя обидеть. Ты спросила, я честно ответил.

Ольгу охватил гнев, который помог ей остановить наступление слёз. Она резко развернулась и вышла из комнаты сына, хлопнув дверью. Она бросилась в свою комнату и там уже дала волю эмоциям. Она рыдала в подушку — она всегда была сильной, и она останется сильной для сына, чего бы ей это ни стоило. Где-то в глубине, под сердцем, тоненьким червячком точила надежда, что он вот-вот придёт и попросит у неё прощения, и всё будет так, как было прежде. Но он не приходил и... не пришёл.

С того дня что-то треснуло в отношениях Ольги с сыном. Сева как будто не замечал или делал вид, что не замечает, что мать страдает. Она же загнала обиду на дно, затоптала её и искалечила. И теперь эта обида приобрела очень некрасивые формы. Ольга не находила оправдания сыну — она вложила в него всё — своё свободное время, большие деньги, всю свою любовь. А чем он ей отплатил? Спокойным безразличием? «Я не всегда понимаю, как этим делиться». Эта фраза засела крепкой занозой у неё в сердце, и никакие клещи не смогли бы её оттуда вынуть. Иногда она думала, что, если он когда-нибудь одумается и придёт к ней с просьбой о прощении, она *не простит*, во всяком случае, так просто. Нет! Он заставил её страдать, и она имеет полное право отплатить ему той же монетой.

Но он не шёл. Прошёл месяц, но ничего не менялось. Все их прежние привычки были разрушены. И Ольга, чем дальше, тем больше, отчаивалась вернуть сына. Это было страшно — видеть его каждый день, говорить о каких-то пустяках и расходиться по комнатам.

В воскресенье в середине августа сын зашёл к ней сам. В руках он зачем-то держал планшет. В его глазах она прочитала сосредоточенность и как будто даже вызов, словно он пришёл не к матери, а к враждующей с ним стороне.

— Мама, пожалуйста, давай сядем за стол — я хочу с тобой поговорить.

Ольгу словно тяжёлым, колючим одеялом накрыло страшное предчувствие беды. Все её планы о «мести» сыну за свои страдания были порушены и растёрты в пыль. Она послушно встала с дивана и пересела за стол. Сева сел напротив. Глаза его как будто потеплели, и она увидела в них своего прежнего Севу — доброго, нежного мальчика, родник и смысл всей её жизни.

— Мама, мне пятнадцать лет. Через полгода будет шестнадцать, и я решил круто изменить свою жизнь.

Ольга перестала дышать — в голове была какая-то мгла. Мысли с трудом проворачивались, и не было ни одной догадки о том, к чему сын её подводит. Только теперь она увидела муку в его глазах и поняла, что страшно ошибалась всё это время — он страдал не меньше, чем она. Вся материнская любовь заполонила её сердце и

рвалась сейчас наружу — обнять, приголубить, понять, простить. Между тем, Сева продолжал:

— В Татарстане есть посёлок с очень красивым названием Р-фа. Он стоит на Волге. Там на высокой террасе расположен монастырь. Вот смотри.

Он протянул ей планшет. Она взглянула на экран. Вид, который запечатлел фотограф, поражал своей монументальностью и каким-то неземным покоем. Монастырь будто парил над водой. Золотые купола центрального собора горели закатным огнём, и вода в Волге была разбелённо золотой. Чудо!

— Очень красиво. Но я не понимаю... — Ольга подняла глаза на сына.

— Я принял решение уйти в монастырь.

Ощущение тихой радости от только что увиденной красоты мгновенно рассыпалось на осколки, и те острыми краями разорвали весь видимый мир вокруг. Ольга как будто летела в пропасть, зияющую своей чернотой. В её глазах появился ужас, который страшным усилием воли вдруг сменился решимостью.

— Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Мама, пожалуйста, я всё понимаю. Я понимаю, что причиняю тебе страшную боль. Я понимаю, что я тебе обязан всем. Я очень тебя люблю! Ты мой самый близкий человек на этой земле...

— И поэтому ты хочешь уйти от меня в монастырь? — Ольга лихорадочно придумывала, что ей сказать такого, чтобы он увидел всю глубину страшной несправедливости, которую он совершает по отношению к ней, чтобы он ощутил свою вину во всей её полноте. — То есть ты... вот так просто... бросаешь меня и уходишь? За что ты так со мной?? Я не заслужила такого!

Сева встал, обошёл стол и обнял мать.

— Мамочка, милая моя, я не могу жить, как все. Я не хочу. Я прочитал очень много книг и понял, что моя дорога ведёт меня к Богу. Я не могу здесь оставаться.

Ольга молчала — она просто не могла ничего сказать. Вокруг неё сейчас рушилась вся её жизнь, все её мечты, все планы на будущее. Она подняла глаза на сына, и в них по-прежнему стоял неподдельный ужас от происходящего.

— Мама, не надо, милая. Я знал, что так будет. Видит Бог, я не хочу, чтобы ты страдала. Я же не уезжаю в другую страну. Мы сможем общаться и дальше. Ты сможешь навещать меня там.

Лицо Ольги прорезала недобрая улыбка.

— То есть ты всё продумал. Видимо, моё мнение уже в расчёт не берётся. Ты уже вычеркнул меня из своей жизни.

— Мама, — Сева отстранился от Ольги, — не мучь себя. Ты знаешь, как я тебя люблю и ценю твоё мнение. Но это не тот случай. Тут мы с тобой вряд ли поймём друг друга.

Он отошёл от неё и снова сел напротив.

Ольга сейчас была на грани истерики. И вдруг её вернула к надежде спасительная мысль.

— Но ты же не можешь в пятнадцать лет уйти в монастырь? Ты ещё несовершеннолетний.

— Я могу уйти в шестнадцать. С твоего согласия. Тот монастырь, который ты видела на фотографии, принимает шестнадцатилетних. Они становятся трудниками — это преддверие послушничества.

Сева замолчал, ожидая неизбежного вопроса матери. И вопрос прозвучал.

— Тебе так плохо жить со мной, что ты хочешь сбежать от меня в монастырь. И ты хочешь сделать это с моего согласия? То есть ты бы мог дождаться совершеннолетия, и тогда это, конечно, было бы так же бессовестно и безжалостно, но всё же ты бы сделал это сам. Но нет! — Ольга перестала контролировать себя, сейчас она уже кричала, и какая-то часть её сознания в ужасе слушала это — она никогда не знала себя такой, она даже вообразить не могла, что когда-нибудь скажет такое сыну. — Ты решил это сделать максимально жестоко. Ты хочешь, чтобы я наступила себе на горло, растерзала себе душу и разорвала себе сердце! Ты хочешь, чтобы я *дала согласие* на то, чтобы мой сын ушёл от меня, лишив меня всего — семьи, любви, внуков, спокойной старости! Это называется смыслом жизни! Понимаешь ты? Понимаешь ты, что лишаешь меня смысла жить дальше? Что мне остаётся? Уйти в монастырь вместе с тобой? Но даже это невозможно!

Сева смотрел на мать, его лицо исказила страшная боль, но Ольга не видела этого, она лишь слышала свои иступлённые крики, и та часть её сознания, которая каким-то невероятным образом оказалась снаружи, была бессильна что-либо сделать. Та её часть смирилась с ролью наблюдателя и ничего не предпринимала.

— Мама, послушай меня, — тихо, но твёрдо начал Сева...

— Иди прочь! — обезумевшими глазами Ольга испепеляла сына. — Уйди с моих

глаз! Я не могу, я не хочу тебя видеть!!

Сева ошарашенно смотрел на мать — такой он не видел её никогда, и осознание вины приковало его к стулу. Он продолжал сидеть.

— Я сказала, уйди! — заорала она истошно.

Тогда он встал и вышел из комнаты.

А она упала грудью на стол и тихо завывала.

* * *

Слёзы всегда когда-нибудь иссякают. Когда плакать больше не было сил, Ольга оторвалась от стола и бессмысленно уставилась в пространство перед собой. Какое-то время она сидела так, с незнакомой страшной пустотой внутри. И вдруг спасительная мысль — мама! Бабушка Севы могла повлиять на внука — она могла ему всё объяснить. Ольга не будет унижаться и давить на жалость. Она не будет умолять и увещевать его. Бабушка объяснит ему, какой чёрной неблагодарностью он решил отплатить матери за её любовь. Новая мысль придала ей сил. Ольга взяла телефон и позвонила маме.

— Да, Лёля, — услышала она в трубке голос матери, и всё как-то сразу посветлело вокруг.

— Мама, — Ольга почувствовала, как на неё накатывает новая волна жалости к себе, и, пока та не накрыла её с головой, выпалила:

— Сева уходит в монастырь, — и только сказав, она осознала, какой тяжелейший удар нанесла матери, вот так без подготовки сообщив ей новость, которая только пару часов назад разрушила весь её мир. — Мама, прости, пожалуйста, — скороговоркой добавила она, — прости, что вот так, не подготовив, не издалека, всё вывалила на твою голову. Но к кому же мне бежать с этим, если не к тебе? — Анна Николаевна молчала.

— Мамочка, я сейчас приеду. Я бы хотела тебе сказать, чтобы ты не волновалась, но я не могу-у-у, — и из глаз Ольги вновь полились слёзы.

— Приезжай, конечно, — зазвучал голос матери.

Ольга вылетела в прихожую, накинула плащ и скоро уже быстрым шагом шла к автобусной остановке.

* * *

Поднимаясь на пятый этаж дома, где она когда-то провела своё детство, Ольга перебирала в уме всё, что хотела сказать, могла бы сказать, боялась сказать и боялась услышать в ответ. Она замедлила шаг, когда ей в голову пришла беспощадная мысль: она сама во всём виновата. Это она заперла своего мальчика в четырёх стенах. Нет, конечно, он ходил в музыкальную школу, потом какое-то время занимался дзюдо, но Ольга всегда пристально следила за тем, чтобы у сына не заводились компании. И всякий раз облегчённо вздыхала, когда на её неискреннее предложение пойти погулять со знакомыми по школе или секции, Сева отвечал, что ему неохота и он лучше почитает. И тогда Ольга внутренне торжествовала — её мальчику не нужны всякие Пети и Вани, ему интереснее с ней и с книгами. И Сева читал, читал запоем. Наступило время, когда то, что он читал, было уже за пределами её понимания. Но это её не пугало, а радовало. Кто-то мудрый сказал, что дети должны быть умнее родителей. И ей было лестно, что у неё растёт такой умный сын. Когда к ним приходили гости — её коллеги или друзья, она с гордостью смотрела на Севу, если он вступал в серьёзные дискуссии со взрослыми, обнаруживая при этом недюжинные знания философии, истории, биологии, физики и много чего другого. Что же она наделала! Она же своими собственными руками уpekла его в монастырь!

Эта мысль была так неожиданна и так страшна в своей безупречной логике, что Ольга остановилась и, медленно оседая на ступеньки, тихо завывала. А ведь мама была против. Она пыталась вразумить свою дочь, но куда ей! Разве Ольга когда-нибудь поступалась своим мнением?

Дверь на площадке выше открылась, и на пороге квартиры появилась Анна Николаевна. Она как будто угадала, что дочь сидит на лестничной клетке и не может или не хочет идти дальше.

— Лёля, милая, — Анна Николаевна спустилась и села рядом с дочерью. Она нежно обняла её и прижала Лёлину голову к своей груди. Анна Николаевна всегда знала, когда надо помолчать, и она молчала и только гладила Ольгу по голове, а та уже больше не сдерживала себя и всё рыдала и рыдала, и какая-то часть её сознания удивлялась, что слёзы, которые, казалось, уже иссякли, текли с новой силой, будто мамина любовь высвободила всё, что ещё оставалось в сокрытых даже от самой Ольги тайниках её души.

Когда она сказала матери, что не поедет сегодня домой и останется у неё ночевать, благо завтра суббота и не надо идти на работу, Анна Николаевна не возражала. Она лишь сказала, что позвонит Севе, чтобы тот не волновался.

* * *

На следующее утро Анна Николаевна усадила дочь в гостиной и поставила перед ней чашку с горячим чаем. Та вдруг улыбнулась, и Анна Николаевна поймала себя на том, что давно не видела у дочери *такой* улыбки — это была улыбка её любимой Лёльки, та далёкая улыбка, родом из детства, улыбка, от которой им с мужем всегда становилось светло на душе. Анна Николаевна погладила руку дочери, приглашая ту начать говорить.

— Мама, можно я поживу здесь хотя бы несколько дней. Я не могу сейчас видеть Севу. Мне надо успокоиться... если это вообще возможно теперь.

Анна Николаевна понимала, что говорить с дочерью надо очень осторожно — Ольга не была Лёлей, и та мимолётная улыбка из детства не могла её обмануть.

— Лёля, я знаю, что сейчас ничто не может тебя успокоить. Тебе кажется, что ты потеряла сына. Но это только кажется. На самом деле, ты его нашла, — Ольга ошарашенно уставилась на мать, а Анна Николаевна продолжала: — Помнишь пару лет назад мы ездили в Казань, а оттуда в Свяжск? — Ольга кивнула, не понимая к чему сейчас эти воспоминания. — А там в Свяжске мы заходили на территорию мужского монастыря. Помнишь?

Ольга была удивлена. Эта поездка состоялась позапрошлым летом, но она ничего не помнила о монастыре.

— Не помнишь, — покачала головой Анна Николаевна, — ты тогда ушла вперёд, а мы с Севой чуть отстали. Из-за поворота нам навстречу вышел монах. Сева шепнул мне, что очень хотел бы поговорить с ним, и когда мы поравнялись, он подошёл к монаху и о чём-то спросил. Я не стала им мешать. Сама знаешь, каким Сева стал за последние годы. Иногда я слушаю его и удивляюсь тому, как глубоко он разбирается во многих вещах. И он неутомим в добывании знаний, как будто поставил себе задачу разобрат на кирпичики весь мир, увидеть его суть и снова собрать всю картину в своей голове. В общем, они стояли и разговаривали некоторое время. Потом монах заторопился по своим делам, а может, им нельзя долго разговаривать с мирянами — в общем, он ушёл. А Сева... наш мальчик повернулся и зашагал ко мне, и какое у него было лицо! У него вообще очень светлое лицо, ты знаешь, я имею в виду, как будто свет исходит откуда-то изнутри. А тут... я не смогу описать. Но тогда я почувствовала, что этот разговор не был праздным любопытством, и у меня внутри что-то больно ёкнуло. И когда наш мальчик подошёл ко мне, я спросила его: «Отчего ты так весь светишься?» — «Чудесный человек, — сказал Сева. — Какие у него глаза! Представляешь, бабушка, он ушёл в монастырь в 16 лет и ни разу об этом не пожалел». И как-то он так это сказал, что у меня мелькнуло недоброе подозрение, но я испугалась даже мысли об этом, а потому не стала его дальше расспрашивать. А он как будто и сам передумал продолжать, и вскоре мы уже весело болтали о чём-то другом. Но тот разговор не выходил у меня из головы. И чем дальше он отодвигался в прошлое, тем больше я о нём думала. Тот взгляд Севы был взглядом человека не из этого мира. Я стала присматриваться к внуку. И теперь частенько ловила тот же взгляд, когда заставляла его за чтением книг по философии и теологии. Мои худшие подозрения начали крепнуть, и однажды я набралась храбрости и в одну из наших встреч спросила у него напрямую, о чём он думает. Сева сначала удивился и хотел сказать что-нибудь обыденное, но потом поймал мой взгляд и прочитал в нём все мои страхи. Я буквально почувствовала, как он их прочитал. Тогда он пересел ко мне на диван, взял меня за руку и, глядя мне в глаза, сказал: «Бабуль, я вижу, что ты догадываешься, и не могу больше обманывать себя и вас с мамой. Но я не знаю, с чего начать. Я не знаю, как сказать вам всё, не причинив боли... А вернее, горя». Я попросила его продолжать, сказав, что невыносимо жить подозрениями, что я хочу знать правду, и лучше раньше, чем позже.

Ольга подняла глаза на мать:

— Ты хочешь сказать, что уже давно знала о его решении? И ничего мне не сказала? Как давно был этот разговор?

— Разве это важно? — Анна Николаевна тяжело вздохнула. — Где-то полгода назад.

— Полгода, — пробормотала Ольга. — Как ты могла ничего мне не сказать?

— Во-первых, это была не моя тайна. Во-вторых, все эти полгода я пыталась понять Севу и надеялась как-то повлиять на него. Ещё надеялась, что, может быть, это какая-то странная форма юношеского максимализма и этот его настрой со временем пройдёт и уступит место другой увлечённости. Мы с ним много говорили. Я убеждала его, что изучать теологию можно в университете и совершенно не обязательно для этого уходить в монастырь.

— Он не уйдёт в монастырь. Во всяком случае я не буду тем, кто поспособствует этому!

Последнюю фразу Ольга произнесла с угрозой в голосе. Анна Николаевна покачала

головой:

— Я теперь знаю Севу лучше, чем полгода назад. Если он действительно решил что-то сделать, он добьётся цели. Мешая ему, ты рискуешь потерять сына.

Ольга криво усмехнулась:

— Я его уже теряю, а потому, как это ни глупо звучит, мне нечего терять. Он не уйдёт в монастырь, пока я могу на это повлиять.

— Делай, как знаешь, но ты не права.

В глазах Ольги сверкнули молнии, а на губах застыли какие-то недобрые слова. Она встала из-за стола и вышла в коридор. Анна Николаевна пошла за ней.

Уже выходя из квартиры, Ольга обернулась и бросила:

— Я потеряла целых полгода, слышишь, полгода!

Анна Николаевна побледнела:

— Ты обвиняешь меня?

— Я не обвиняю. Я просто не понимаю, как ты могла мне не сказать? За эти полгода...

— Дочь, — это слово, сказанное вместо обычного «Лёля», прозвучало, как гром среди ясного неба. Ольга даже умолкла и впервые за много лет посмотрела на мать испуганно, как когда-то в детстве, когда знала, что провинилась. — Я не хотела ранить тебя сильнее, но раз ты хочешь переложить всю вину на меня, ответь мне на один вопрос: как так получилось, что ты не заметила в Севе перемен? А если заметила, почему ни разу не поговорила с ним начистоту? Ведь он стал другим уже довольно давно. Речь идёт о нескольких годах. Ты помнишь, как он попросил купить ему икону? Ему тогда было лет двенадцать. А потом в те же двенадцать лет он запоем прочитал всю Библию. И тебя это как будто совсем не удивило. Пойми, я тебя ни в чём не обвиняю...

— Ты меня обвиняешь! Ты всегда считала семейное обучение ошибкой. И я не сомневаюсь, что, услышав о решении Севы, ты во всём обвинила меня. Да, мама, я сама во всём виновата! Но я ведь не за этим приходила к тебе! Я приходила за поддержкой!

С этими словами Ольга вылетела из квартиры и, хлопнув дверью, сбежала вниз по лестнице. Она не замечала весеннего пробуждения мира вокруг, чисто выстиранного и пахнущего свежестью неба, игольчатой молодой травы. Для неё всё вокруг было вымазано чёрной краской. Но даже в этом состоянии исступления, когда перестаёшь отдавать отчёт своим поступкам, Ольга заметила, что второй раз за день хлопнула дверью, закрыв её перед своими самыми главными и любимыми людьми в жизни. Осознание мелькнуло и тут же угасло под ливнем раздиравших её мыслей и эмоций.

Куда идти? Где искать помощи? Что делать? Как остановить это безумие? Это не могло, не должно было случиться с ней! И тут на неё серым потоком нахлынули её собственные слова, сказанные в разное время разным людям. Ольга вспомнила, как из разговора с подругой узнала, что дочь одной их общей знакомой уехала за границу и оборвала всякое общение с матерью. Тогда она сказала, что надо было правильно воспитывать дочь и что подобные вещи случаются только в тех семьях, где родители на каком-то этапе теряют связь со своим ребёнком и лишаются его доверия. Так что мать сама виновата в том, что дочь так поступила. Её подруга стала спорить. Она говорила, что не всё в руках родителей, что есть ещё влияние друзей, интернета, других взрослых людей. Поэтому, повзрослев, ребёнок может иметь ценности, отличные от родительских. Ольга тогда резко осадила её, сказав: «Надо быть для ребёнка непререкаемым авторитетом, тогда не страшны никакие друзья, не говоря уже об интернете». Она вообще нередко высказывалась подобным образом, в душе считая себя идеальной матерью, а своего сына лучшим тому доказательством.

Ольга остановилась. Она вдруг подумала о маме. Ей ведь так же тяжело от решения Севы. Ведь он уходит от них обеих. И тот, к кому он уходит, не тот, чей авторитет можно оспаривать. И мама права — она правда каким-то невероятным образом пропустила поворот сына к религии. Анна Николаевна видела внука два-три раза в неделю, а Ольга жила с ним. И что могли изменить последние полгода?

Она решила было вернуться и даже пошла назад — сесть в обнимку и вместе поплакать. Но... их слёзы и разговоры ничего не изменят. Говорить надо с Севой. Как говорить? Что сказать? Давить на жалость, на её будущую одинокую старость? Что ещё оставалось? Как ей конкурировать с Богом? В голове всплыл роман «Поющие в терновнике». Главная героиня не выдержала этой конкуренции, несмотря на свою страстную любовь. На что рассчитывать ей — не любовнице, а матери?

* * *

Ольга вошла в дом. Она так ничего и не придумала. Она даже не знала, чего ей сейчас больше хочется: чтобы сын вышел ей навстречу или чтобы не вышел и она тихо проскользнула к себе. Он вышел...

— Мама, давай попробуем поговорить ещё раз.

Ольга посмотрела на сына — её дорогой мальчик, любимые тихие карие глаза,

густые тёмно-русые волосы. Она подошла к нему и погладила по голове. Он поймал её руку, поднёс к губам и поцеловал.

— Как я буду без тебя жить? Я не могу без тебя жить... — прошептала она.

— Мама, но ведь если бы я остался в миру, я бы всё равно раньше или позже ушёл от тебя, — она молчала. — Я бы женился, у меня бы появилась другая семья, другие заботы.

— Я надеюсь, я бы осталась частью твоей жизни? Ты бы не вычеркнул меня из неё?

— Но я тебя не вычёркиваю. Родители могут навещать своих детей в монастыре.

Ольга высвободила свою руку:

— Ты предлагаешь мне навещать тебя в монастыре? Рыдать всякий раз при встрече и расставании? Легче умереть, чем терпеть такие муки.

— Но бывают же ситуации, когда людям приходится расставаться со своими близкими насовсем, без всякой возможности встретиться. Например, секретные агенты, — Сева сделал слабую попытку улыбнуться, — они живут в другой стране годами и вообще не могут видеться с родителями.

— Но ты не секретный агент. Ты не подневолен. То, что ты собираешься сделать, твой свободный выбор. И, — в глазах Ольги блеснула слабая надежда, — если всё так серьёзно, ты же можешь поступить в духовную семинарию. И у тебя может быть семья, дети...

— Мама, ты не понимаешь. Я совершил бы великий грех, создав семью. У меня другое призвание. Я это знаю, — он взглянул на мать, и она впервые за этот день почувствовала его непоколебимость. И теперь реальность происходящего встала перед ней неприступной стеной, и уверенность, что всё ещё можно поправить, ударила об эту стену и пошла трещинами, словно тонкая яичная скорлупа.

Ольга покачнулась, но Сева удержал её за локоть.

— Мама, пойдти присядь. Пожалуйста.

Она уступила его просьбе, чувствуя, что ноги едва слушаются. Сев на диван, Ольга закрыла лицо руками и уткнула локти в колени.

— Где я совершила ошибку? Скажи, когда ты решил?..

— Я не смогу назвать тебе дату или год. Это произошло постепенно. И ты здесь совершенно ни при чём. Это моё осознанное решение, и мне больно слышать об этом как о твоей ошибке.

Ольга убрала руки от лица и посмотрела в глаза сыну. Он тоже смотрел ей в глаза. Они сидели так некоторое время.

— Ничего нельзя сделать, — как во сне сказала Ольга. — Ничего.

— Мама, я не буду тебя обманывать. Ничего нельзя сделать.

— А если я не дам согласия?

— Это твоё право.

Голос Севы прозвучал отстранённо и как будто безразлично.

— Что будет, если я не дам согласия? Ты затаишь на меня обиду?

— Я не обижусь.

Ольга всматривалась в глаза сына, но взгляд Севы был спокоен.

— Тогда, сын, я отказываю тебе в согласии. И я это делаю не потому, что просто использую свою власть. Я это делаю, чтобы дать тебе время всё обдумать. Шестнадцать лет — не возраст для судьбоносных решений.

— Хорошо, мама.

Сева встал и вышел из комнаты, а Ольга осталась сидеть у стола, как у разбитого корыта.

«А как я буду жить эти два года?» — этот вопрос бился тяжёлым колоколом в её голове.

Ольга прилегла на диван — нервотрёпка двух последних дней взяла над ней верх, и, словно щёлкнув выключателем, реальность погасла, оставив её блуждать в зыбком мареве сна.

* * *

Потекли дни. И каждый уходил в прошлое, отрывая кусочек от ещё оставшейся у неё надежды. И каждый умерший месяц утверждал её в неотвратимости расставания с сыном, потому что ничего не менялось. Сева теперь много времени проводил в храме. Он ей не говорил об этом — щадил её чувства, но и не обманывал. Если она прямо спрашивала, где он провёл полвоскресенья, он честно отвечал, что в храме. Ольга несколько раз думала сходить в храм и поговорить с батюшкой. Но не шла. Она не была верующей. И в самом деле, какое сочувствие она могла найти у человека, который думает так же, как её сын? А сострадания ей не нужно. Ещё было стыдно оттого, что ей нет-нет и приходили в голову мысли о том, как придётся признаться друзьям, что сын оставил её. Она знала, что многие в тот момент не испытают сочувствия. Скорее

это будет торжество оттого, что и у неё не всё в порядке в отношениях с ребёнком. Все завидовали, что у неё вырос такой удивительный сын — умница и замечательный человек. И когда она высказывалась о промахах других в воспитании детей, друзья молча слушали, признавая за ней право на экспертное мнение. Теперь её авторитет рухнет раз и навсегда. И это будет очень стыдно. Но гордыня отступала на второй, нет, на сотый план перед лицом ожидавшего её горя от расставания с сыном и со всеми планами на его и своё будущее. И не с кем было разделить эту ношу кроме мамы, для которой это будет таким же жизнекрушением, как для Ольги. Но Анна Николаевна как будто смирилась со своей участью и призывала смириться и её. И по мере того, как их совместное настоящее с сыном неумолимо таяло под натиском выталкивавшего его в прошлое будущего, Ольга теряла надежду и всё чаще внутренне соглашалась с мамой.

* * *

В очередное воскресенье Ольга вошла в комнату сына сразу после того, как тот вернулся из храма.

— Сева, я больше не могу мучить тебя и себя. Я вижу, что оставшийся год ничего не изменит. Я чувствую, что ты не живёшь здесь со мной. Ты живёшь там. Вот, — и она протянула ему бумагу. Сын взял лист и прочёл:

*Наместнику Р... монастыря
Игумену Илие
от Пановой Ольги Андреевны*

С о г л а с и е

Я, Панова Ольга Андреевна, даю своё согласие на то, чтобы мой сын, Панов Всеволод Агелович, поступил трудником в подчинённый Вам монастырь, если Вы дадите ему на то своё благословение.

Ниже стояли подпись и расшифровка.

Сева взглянул на мать — она смотрела на него глазами мученицы. Он закрыл глаза, постоял так некоторое время, а потом взглянул на неё вновь, и в его глазах она увидела тихую любовь и боль за её боль.

— Спасибо мама. Ты не представляешь, как много это для меня значит.

— Сходи к бабушке, простись, а потом собирайся.

Ольга чувствовала, что не вынесет долгих проводов. Она уже развернулась, чтобы выйти, но сын нагнал её и крепко обнял.

— Мама, что бы ты ни думала, я тебя очень люблю. Я буду за тебя молиться. И за бабушку.

— Конечно, — только и смогла прошептать Ольга, вжавшись лицом в грудь сына, чтобы он не видел, как из её глаз покатались крупные слёзы.

Так они стояли — она, словно раненая птица, вздрагивавшая от душивших её рыданий, и он, словно скала успокоения и сострадания.

Ольга вскоре затихла, будто покой передался ей от сына. А он всё не отпускал, словно ждал, чтобы её смятение совсем рассеялось.

Ближе к вечеру Сева ушёл прощаться с бабушкой, а на следующий день, взяв всего несколько вещей, уехал. Ольга согласилась с ним, что будить её он не будет — они оба понимали, что всё уже сказано и выстрадано.

* * *

Прошло два года. Когда Анна Николаевна вернулась из очередной поездки к внуку, она сказала Ольге, что Сева стал послушником. Они никогда не ездили к нему вдвоём с тех пор, как сделали это однажды. В тот самый первый приезд они обе как будто перестали дышать, когда увидели Севу. Он стал ещё выше и очень повзрослел. Но было до мути в душе тяжело видеть его отрешённость от них, как будто он смотрел на них из другого мира и между ними была непреодолимая пропасть. Они обе слишком хорошо это ощутили и весь обратный путь берегли чувства друг друга, и это было мукой. С вокзала они разъехались по домам и только там дали волю своему горю. Тогда обе как-то одновременно решили, что будут ездить по очереди. Посещение разрешалось два раза в год, и они договорились, что Ольга ездит осенью, а Анна Николаевна весной.

* * *

Отец Арсений сидел у себя в келье за книгой, когда в дверь постучали. Он поднялся и открыл дверь. На пороге стоял послушник.

— Отец Арсений, к вам приехала бабушка. Игумен Илия благословляет встречу.

Отец Арсений пошёл вслед за послушником к специальному помещению для встреч с родственниками. Приезд бабушки второй раз за три месяца был неожиданным и противоречил порядкам монастыря. Но Игумен дал своё благословение, и для этого должна была быть веская причина.

Арсений вошёл в небольшое помещение, где на скамейке сидела пожилая женщина. Она порывисто поднялась и бросилась бы ему навстречу, если бы это было можно. Вместо этого она ждала, пока он подойдёт к ней, а потом подняла на него глаза, и он увидел в них вселенское горе.

— Бабушка, что случилось? — спросил он, глядя на женщину с любовью.

— Сева, мама заболела. Очень сильно заболела, — и Анна Николаевна протянула к нему руки и, во второй раз вспомнив о порядках, тихо расплакалась, не имея права прижаться к родному, любимому человеку.

Отец Арсений усадил бабушку на скамейку и сел напротив. Разговор их был долгим и тяжёлым.

* * *

Он ехал домой. За прошедшие семь лет он впервые вышел за стены монастыря, и это было странное чувство. Он долго сам не мог его определить. Единственное, что он знал точно, это то, что это не его мир — его мир остался там, за родными стенами, там, где Бог являлся людям намного чаще, потому что они были к этому готовы и всегда замечали Его присутствие.

Здесь, в миру, было столько ненужного шума, столько неоправданной, пустой суеты, столько пренебрежения к окружающему и окружающим, что, даже если бы Бог вышел на оживлённую улицу или вошёл в вагон поезда, на него мало кто обратил бы внимание.

Когда он подошёл к дому и начал подниматься на третий этаж, его охватила ностальгия — детские воспоминания нахлынули без спроса и захлестнули тёплой волной. Игры и чтение книг с мамой, беседы с бабушкой в дни, когда она приходила к ним. У него было счастливое детство. Он никогда не жалел, что не пошёл в школу. Так уж получилось, что друзей ему заменили книги. Он всегда знал, что так должно было быть, и когда слышал доносящиеся из кухни приглушённые споры единственных двух любимых женщин о том, пора или нет отдавать его в школу, изо всех сил напрягал слух, опасаясь, что победит бабушка. Но побеждала мама, и он был ей за это безмерно благодарен.

Та же дверь, тот же звонок, игравший ту же музыку...

Дверь открыла Анна Николаевна. Она не поверила своим глазам и протянула руки, чтобы обнять внука, но тут же опустила их, увидев взгляд Севы — она так и не научилась держаться от него на расстоянии, и это была вторая мука, на которую они с дочерью были обречены. Иногда Анне Николаевне казалось, что даже расставание не так больно — ты не видишь любимого человека и медленно привыкаешь к этому, но вот эта невозможность обнять его, прижаться к его груди, когда он тут, стоит перед тобой... И только мягкая строгость в глазах внука напоминала ей о появившихся между ними границах.

— Здравствуй, бабушка. Игумен благословил меня проведать вас. Мама у себя?

— спросил он, и Анна Николаевна кивнула. Тогда Сева прошёл к комнате матери и тихо отворил дверь. Из комнаты пахло лекарствами. Он перешагнул через порог, подошёл к постели, бесшумно присел на стул и взял в свои ладони мамину руку, которая безвольно свисала с кровати.

Ольга медленно повернула голову и тихо вскрикнула.

— Это я, мама. Меня отпустил игумен. Я буду с тобой, пока тебе не станет лучше.

— Тогда пусть мне никогда не станет лучше, — не дав себе подумать, прошептала она.

— Не говори так, — Сева с нежностью смотрел на мать, — тебе обязательно станет лучше. Но после того, как это произойдёт, ты должна будешь дать мне обещание.

Ольга пила глазами своего мальчика. Она давно не видела его так близко. Она забыла, как ощущается тепло его рук, а теперь вспомнила, и ей было всё равно, что он делает или говорит, лишь бы был здесь, рядом с ней.

— Что я должна пообещать тебе? — спросила она.

— Ты дашь мне слово, что начнёшь жить. Я не могу забрать тебя в свою жизнь и не могу разделить твою. Для этого нужен другой человек. Тебе всего сорок пять лет. У тебя впереди большая счастливая жизнь. Я это знаю. Верь мне. И когда ты выздоровеешь, он найдёт тебя. Только не запирай дверь в свою жизнь. Именно это я прошу тебя пообещать — что ты оставишь дверь в свою жизнь открытой.

Ольга слабо улыбнулась и хотела возразить, но Сева остановил её движением руки.
— Не надо, мама. Просто верь мне и не запирай дверь в свою жизнь. Ты можешь ничего не говорить. Просто кивни, — ей, похоже, ничего не оставалось, и она кивнула.
— Я вижу, ты измучена. Поспи, — и, едва она замотала головой, он добавил: — Когда проснёшься, я буду здесь. Спи, потом поговорим.

Она доверчиво закрыла глаза. Болезнь сделала её послушной, да и сил у неё сейчас совсем не было. Неожиданная радость обещала новую боль, о которой сейчас не хотелось думать. Она поддалась его воле и как-то необычно легко заснула.

* * *

Проснулась она уже утром. Что-то изменилось, и в первый момент Ольга не поняла, что именно. Потом она вспомнила, что вчера приехал Сева, и сотни острых иголок страха впились в её тело при мысли, что ей это только приснилось. Но в этот момент за дверью послышался тихий разговор двух любимых людей — Анна Николаевна уговаривала Севу поспать, а он говорил, что в монастыре привык вставать в пять утра и спать уже не будет.

Ольга села на кровати и только тут поняла, что было не так — она уже несколько месяцев не садилась сама. Для этого ей требовалась мамина помощь. Не понимая, что происходит, она опустила ноги с кровати, нашарила тапочки и встала, опираясь о сиденье стула. В этот момент дверь распахнулась, и на пороге появилась мама, а за ней стоял Сева. Ольга только успела подумать о том, что у сына воспалённые глаза — уж не температура ли — как комнату огласил крик Анны Николаевны:

— Ты что делаешь! Ты же упадёшь! — и, буквально подлетев к дочери, она подхватила её под руки.

Ольга подняла на мать удивлённые глаза, а потом перевела их на Севу, и на её лице возшла улыбка:

— Не упаду, — сказала она, будто слыша свой голос со стороны и удивляясь ему, — отпусти меня, не бойся. Пожалуйста, отпусти. Я давно не стояла так крепко на ногах.

Анна Николаевна оглянулась на внука, ища поддержки, но Сева только молча кивнул, и она сделала, как он хотел.

Ольга сделала шаг — ещё до того, как сделать его, она знала, что сможет, знала, что сможет ещё и ещё. Её спина почувствовала внутреннюю опору, и она выпрямилась и расправила плечи.

— Пойдёмте завтракать, — сказала Ольга, глядя на ошарашенную, ничего не понимающую Анну Николаевну.

Она прошла мимо матери и вышла из комнаты. Анна Николаевна и Сева отправились следом.

* * *

Прошла неделя. За это время Ольга побывала у всевозможных врачей, сдала уйму анализов, сделала КТ и много чего другого. Результаты поразили всех, кроме неё самой — она знала, что выздоровела. Она выздоровела за одну ночь — ту ночь, когда к ней вернулся сын. И в тот день, когда Сева заговорил об отъезде, Ольга рассказала ему о своей тайне — его возвращение и его любовь чудесным образом излечили её. Он прочёл в её взгляде продолжение этой мысли и закрыл глаза. Прошло семь лет, а она по-прежнему считала, что главное решение его жизни можно отменить. Она по-прежнему его не понимала.

* * *

Утро следующего дня неизбежно наступило. Ольга открыла глаза и увидела маму. Та сидела рядом на стуле и с тревогой смотрела на дочь.

— Мамочка! — улыбнулась Ольга. — Ну что же ты всё боишься? Пора уже свыкнуться с тем, что я здорова. Я знаю, это чудо. Но любовь творит ещё не такие чудеса, — и с этими словами она села на кровати и обняла Анну Николаевну.

Они сидели некоторое время прижавшись друг к другу, а потом Анна Николаевна тихо сказала:

— Сева уехал. Он не дал мне тебя разбудить.

— Что? — вскрикнула Ольга и отстранилась от матери.

— Он просил передать, что благодарить за выздоровление ты должна не его. И ещё сказал, что взял с тебя слово, и это слово ты обязательно должна сдержать.

Ольга как-то вся погасла и безжизненно легла обратно на постель.

— Лёля, доченька, послушай меня, пожалуйста. Всю ту первую ночь после приезда Сева провёл у себя в комнате за молитвами. Я знаю это, потому что очень плохо спала — наверное от перевозбуждения — и несколько раз вставала выпить успокоительное. И каждый раз я видела приглушённый свет в его комнате и слышала, как он молится.

Он просил о твоём исцелении, — Анна Николаевна замолчала, готовясь сказать самое главное. Набрав воздуха, она продолжила: — Мы все в разной степени верим в возможность чуда, но, когда оно происходит, большинство из нас находят ему сколько угодно объяснений или доказательств его нечудесности, — Анна Николаевна знала, что была свидетельницей настоящего чуда, и хотела, чтобы Ольга это тоже знала. — Не его приезд исцелил тебя и даже не его молитвы. Я знаю, что ты совсем не веришь в Бога, но это не помешало Ему поверить в тебя. Пора уже понять своего сына, пора уже принять его выбор, пора уже начать жить своей жизнью, а не призрачными вредными надеждами на то, что однажды он разочаруется и вернётся к нам.

Ольга повернула голову на подушке и взглянула на мать убитым взглядом.

В этот момент раздался звонок в дверь.

— Это он! — вскрикнула она, просияв и садясь на кровати. — Он вернулся!

Не зная, что и думать, Анна Николаевна бросилась открывать. Она почти сразу же вернулась, присела рядом с дочерью и обняла её.

— Я поняла, мама. Это не Сева, — сказала Ольга бесцветным голосом.

— Лёля, — неуверенно начала Анна Николаевна, — не знаю, рассердишься ты или нет, но я забыла тебе сказать. Вчера, когда ты уже легла, звонил Артём.

Ольга непонимающе взглянула на мать.

— Какой Артём?

— Ну, у нас один Артём, — улыбнулась Анна Николаевна, — Савельев.

— Тёма? Из Австрии звонил? — наморщила лоб Ольга.

— Сказал, что работу в Австрии закончил и на прошлой неделе вернулся домой.

— Серьёзно?

Анне Николаевне показалось, что голос Ольги потеплел.

— Очень серьёзно... потому что он у нас в гостиной. Тебя дожидается... с конфетами и цветами.

— С ума сошёл, что ли? — Ольга выразительно посмотрела на мать. — И к тому же я в таком виде... скажи ему, что как-нибудь в другой раз.

— Мне неудобно. Я вчера предложила ему к нам заглянуть. Кто же знал, что он сделает это почти ни свет ни заря, так что я и предупредить тебя не успею.

— Так это ж Савельев, мама. Ты что, забыла?

Анна Николаевна улыбнулась — Олин сокурсник, смешной парень. Кто бы мог подумать, что из него выйдет талантливый журналист-международник.

— Как его забыть? Не забыла. Потому и прогонять не буду. Если хочешь, иди прогоняй сама.

— Мам, серьёзно, зачем всё это? — Ольга укоризненно взглянула на мать.

— Я не знаю, — пожала та плечами, — наверное, зачем-то. Но уж если ты так настроена, пойду извинюсь.

Анна Николаевна встала и вышла из комнаты, а Ольга снова легла и отвернулась к стене. И вдруг она отчётливо услышала голос Севы: «Верь мне и не запирай дверь в свою жизнь». Ольга вздрогнула и приподнялась на постели. Она повернулась к двери, но дверь была закрыта.

— Артём, прости, дорогой, но Оля не готова сейчас к встрече. Она только встала. Ну ты же знаешь нас, женщин. Мы не появляемся на людях, не приведа себя в порядок.

— Я всё понял, — с грустной улыбкой отвечал Артём, — но цветы, духи и конфеты обратно не понесу. Что ж, значит, так должно быть.

С этими словами он поднялся и вдруг, глядя через плечо Анна Николаевны, расплылся в счастливой детской улыбке. Ничего не понимая, та обернулась. В дверях гостиной стояла растрёпанная Ольга.

— Оленька, — почти прошептал Артём, взял из рук Анны Николаевны букет роз и, сделав три шага, протянул их обескураженной Ольге.